

Антон Юрьевич
Гайдук

Путь Арестанта

АНТОН ГАЙДУК
Путь Арестанта

«Издательские решения»

Гайдук А. Ю.

Путь Арестанта / А. Ю. Гайдук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904890-5

Эта книга о реальных событиях из моей многогранной жизни. Мне пришлось пройти непростой арестантский путь. В семнадцать лет я попал на малолетку, откуда меня по быстрому подняли на взросляк, а в девятнадцать меня раскрутили и свезли на строгий режим. Это первая часть книги «Малолетка».

ISBN 978-5-44-904890-5

© Гайдук А. Ю.
© Издательские решения

Содержание

«Борец»	6
Вступление	8
Часть I. «Малолетка»	9
СИЗО №25	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Путь Арестанта

Антон Юрьевич Гайдук

© Антон Юрьевич Гайдук, 2018

ISBN 978-5-4490-4890-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Борец»

Мне с детства по душе был криминал,
Везде где мог, там и воровал.
Вот так открылся мне Сумской централ,
Смотрящий хаты, навес «Борец» мне дал.
По понятихам, взросляк под натаскал,
По жизни нашей, чтоб правильно шагал.
Один Бродяга, шпанюком признал,
За то, что на Прилуках я режим шатал.
А на взросляк на БИК-16 я попал,
И так как прежде я задней не сдавал.
За Мужиков, достойно отстрадал,
Ну, вот и крутка, встречай родной Централ.
На зону красную, сто первую попал,
Там, как и раньше движ красных отрицал.
И весь козлинный, стос меня ломал,
Но я не сдался, за честь свою стоял.
Ну опосля на буре раны залезал,
Тебя родная, все время вспоминал.
Любовь твоя, мне выжить помогла,
Ведь я-то знаю, ждешь мамуличка!

– Тюрьма – кто не был, тот не поймет. И даже те, кто был, не всем дано понять!

Вступление

Добро пожаловать в тюремный мир, мой любознательный читатель. Если вы держите эту книгу в руках, значит, вы хотите выйти за грани своего обитания, и на время погрузиться в другую атмосферу жизни. В этой исповеди я описываю все жизненные этапы, которые мне пришлось пройти по арестантскому пути. Меня зовут Антон Гайдук, родом я из небольшого города Конотоп, Сумской области, что на Украине. Моё детство было наполнено яркими событиями криминального мира. Мы росли в 90-е годы, на окраине жизни, где каждый выживал, как мог. Вот и я увлеченный блатной романтикой, вступил на криминальный путь, начиная с самого раннего детства. Мне необходимо было очень быстро взрослеть и развиваться не по годам, чтобы выживать среди уличных волков. В шестом классе я попал в школу интернат, где часто приходилось бороться за лидерство, а значит за лучшие условия жизни. По окончании девяти классов, я почувствовал себя сильным и свободным, и по этому, меня еще больше засасывало в преступный круговорот. Распутные девушки, алкоголь, и жажда красиво жить, как и стоило того ожидать привели меня к казенному дому. Так я впервые в семнадцать лет переступил порог тюремной камеры. За свой небольшой срок я смог увидеть множество тюрем, три лагеря, малолетку, общий и строгий режим, карцера, ШИЗО, ПКТ, четыре месяца просидел в одиночной камере.

Книга посвящается моей маме Бурим Неле Анатольевне, которой так и не суждено было дождаться моего возвращения. Она с любовью сохранила все мои письма и фотографии, благодаря которым и была написана данная книга!

Часть I. «Малолетка»

«КПЗ»

06.07.07. Заходя в кабинет следователя, на очередной допрос, я увидел плачущую маму, в глазах ее был зверский ужас, и страх. Подходя к ней, я уже догадался, почему она в таком состоянии.

– Тебя посадят! – прошептала она, и тихо беспомощно заплакала...

Ко мне подошел милиционер, он приказал мне взять руки за спину, что я и сделал, после чего он одел мне наручники на запястье. На том момент еще не было четкого осознания всего происходящего со мной, и поэтому ощущение страха у меня отсутствовало. В душе было полное безразличие, и только легкое волнение, учащало сердцебиение. Да и к тому же я уже морально был подготовлен к арестантской жизни, имея поверхностное представление о тюремной жизни, из того что мне поведали мои многочисленные друзья уже имевшие отсидку.

Мы подошли к серой железной калитке «КПЗ» (камера предварительного заключения), мой сопровождающий нажал на звонок, раздался жуткий звон. Мрачная погода дополнила картину заключенного дня. Дико залаяли сторожевые псы, раздалась шаги и кто-то выглянул через глазок, он командирским голосом спросил:

– Кто здесь?

– Принимайте задержанного.

Распахнулась калитка, и мы вошли в ИВС «КПЗ». Раскатился гром, я поднял глаза к небу, сверкнула молния, и во мраке очертила решетку над моей головой. Справа от меня стоял «воронок» (Автомобиль для перевозки подозреваемых и обвиняемых). Проследовав дальше, мы зашли в помещение «КПЗ» и поднялись на второй этаж, где и находились камеры для заключенных.

Обстановка для меня была уже знакома, так как я уже бывал там на очной ставке со своим подельником. Прямо напротив входа, находился кабинет начальника. Первая комната с лева была предназначена под кабинет врача. Далее по «продолу» (коридору) находилась решетка с «брамой» (дверью), за которой и находились «хаты» (камеры для заключенных). Прямо на «продоле», меня принялись «шмонать» (обыскивать) двое «ментов», процесс довольно таки не приятный, сначала раздеваешься догола, а потом просят присесть три раза, вдруг между ягодицами ты что-то спрятал. После того как я оделся, меня повели в камеру под номером десять. Градусов на тридцать отворилась брама, и я вошел в «хату». Я оказался в полу мрачном помещении, освещение было очень тусклым. Над дверью находилась лампочка где-то ват на 60, которая была спрятана за плотной железной пластиной, в ней было много маленьких просверленных дырочек, сквозь которые и пробивался свет. На окне была такая же решетка на жаргоне называемая «муравейник».

За ней находилось несколько решеток, сваренных из арматуры. После решетки стояло окно, в котором была открыта форточка градусов на тридцать, сквозь щель которой ели-ели виднелось июльское небо. С права стоял маленький «общак» (стол), заваленный различными продуктами. В камере стояла не выносимая духота. Войдя в камеру, я ощутил как исчезло волнение после того как я увидел своего одноклассника «Краву». С Андрюхой мы учились еще с седьмого класса, после девятого класса вместе поступили в ПТУ, в одну группу. Он лежал на наре, которая была прикреплена к деревянной «Сцене». («Сценой» в ИВС называли деревянный или бетонный подъем, высотой полметра, раньше на ней спали арестанты.)

Слева от него, на второй наре лежал мужик лет сорока пяти, пятидесяти, рядом возле него сидел мужик такого же возраста, и чинил маленький кипятильник. Нары били одно ярусные. В камере их было только две и поэтому в некоторых «хатах» спать приходилось по очереди. Справа от меня находилась «дючка» (туалет). Она почти ни чем не прикрываемая, кроме невысокой стеночки спереди. Сам унитаз назывался «Крокодил», из-за того что при сливании воды, он издавал противный рев. На вид он советского образца, которые распространены были в общественных туалетах времен СССР.

Зрелище очень неприятное, но человеческий инстинкт к выживанию, заставляет людей приспособливаться к любым условиям. Стены камеры были ровными, побеленными, и только в некоторых местах исцарапаны. Такой общий вид «хаты» в которую меня закрыли. Увидав меня, «Крава» радостно подорвался со своей нары и позвал меня к себе. Мужики, как будто бы не замечая меня, принялись заваривать «чифирь». «Чифирь» это очень крепкий чай, на вкус горький, у тех кто пробовал его впервые он мог вызывать тошноту. Готовиться он в основном из грузинского чая. Пить «чифирь» в тюрьме, это традиция в которой заложен особый смысл. «Чиф» пьют, когда встречают новых людей в камере, когда провожают на этап, и на всех торжественных событиях. Чашка, из которой его пьют, называется «малышка», а литровая кружка именуется как «тромбон». «Чифирь» бодрит и держит разум в трезвом сознании. Я поднялся на сцену и подсел к нему. Мы пожали друг другу руку, но остальным я руки не жал, потому как мне ранние уже говорили о том, что в тюрьме избегают рукопожатий. Он спросил, за что меня закрыли, на что я ему ответил, с особой гордостью.

– за мошенничество!

Пока мы немного поговорили о свободе, мужики сварили «чифирь». Садясь по кругу, мужики поинтересовались у меня о моем образе жизни:

– с прошлым все в порядке?

– Да, – ответил я.

Я ответил так, потому что мне уже было известно, о чем идет речь. В данном случае интерес проявлялся о том, что порядочный ли человек который заехал в «хату», чтобы знать, можно ли с ним иметь какие-то общие дела. Нужно отвечать как есть, рано, или поздно все всплывает. Будь, кем есть! Как правило, если тебе что-то неясно, необходимо смело интересоваться, там, где находится порядочный люд, вам подробно пояснят все что непонятно. Мы принялись «чифирить», я постоянно что-то интересовался о том, как правильно жить, придерживаясь понятий? Как живут люди в тюрьме? «ИВС» это изолятор временного содержа-

ния, оно же «КПЗ». Сюда привозят только во время следствия, на допросы, для судебных заседаний, и также на ознакомление с личным делом. В остальное время всех арестантов везут в «централ» (в областное СИЗО). Я понимал, что на СИЗО мне придется еще долго сидеть, поэтому мне так интересно было узнать о тюремной жизни как можно больше, плюс к тому «Краву» с мужиками как раз в этот день забирали на этап, поэтому времени оставалось немного. Прошло пару часов, открылась брама и в «хату» завели «Зелю». Это был подросток шестнадцати лет. Мы учились с ним в ПТУ, и он постоянно попадал в какие-то неприятности. Он был неуравновешенным и вдобавок любил выпивать, от чего становился вовсе неадекватным. У него была страсть к оружию, и в любом конфликте он хватался за нож, либо рюмку. Но больше всего ему нравилось мастерить и испытывать самопалы. Иногда я помогал ему решать его проблемки, поэтому он и был должен мне.

– Опа, а вот и мой должник. Вскрикнул я

За короткое время моего нахождения, я почувствовал себя увереннее. Опираясь на свой небольшой запас знаний, я пытался выделиться, и хотел казаться крутым в глазах арестантов. Мужики внимательно наблюдали за происходящим.

– Ну и где мой долг? Ты помнишь, что тебе сегодня нужно все вернуть? Спросил я.

Услышав наш диалог, мужики прервали нас, и стали пояснять, что в тюрьме, «слободские» долги не качаются. Что означало, я не могу в тюрьме требовать с него долг, который он мне должен был еще на свободе.

Мужики поинтересовались у «Зели», как у него с прошлым? В глазах у него застил недоумевающий взгляд. Я догадался, что он ничего не понял, и сам принялся объяснять, что от него хотят услышать. Выслушав меня «Зея» утвердительно ответил, что с прошлым у него все в порядке. «Крава» принялся заваривать «чиф». «Зея» сел возле меня и внимательно слушал, о чем мы разговариваем.

– За что закрыли? Поинтересовался один из мужиков у «Зели».

– Я влюбился в девушку, ее зовут Жанна, но она встречается с цыганом Сяндю. Как я понял позже, они хотели «кинуть» меня на телефон. Жанна попросила у меня телефон, и зашла в заброшенный двор в туалет. Я проследил за ней, и увидел что Сяндю забрал у нее мой телефон, и стал быстро уходить. Я вынул самопал, и стрельнул ему в спину. Ответил «Зея». Тем временем Андрюха принес «чиф», мы сели вкруг и запустили малышку по кругу, отпивая каждый по два «хапка» (глотка), передавая по часовой стрелке. Допив «чифирь», мы дальше о чём-то общались. Время летело как то незаметно, и порой меня охватывало тоскливое ощущение разлуки. Общая беда быстро объединяет людей, появляется душевная привязанность. Вдруг хлопнула «кормушка», и «мент» начал зачитывать фамилии тех людей которым через пол часа с вещами на выход, закрыл обратно, и пошел к другим «хатам». Мужики с «Кравой» засуетились собираться. Я набрал «тромбон» воды, закинул перемотанный кипятильник в него, и включил в розетку. Все уже собрались, за время пока заваривался чифирь, и мы присели на дорожку. Долгое время вокруг царил тишина, и вдруг «Крава» потянулся к своей сумке, и вытащил с нее две пачки сигарет без фильтра, и отсыпал немного чая.

– Это вам должно хватить на три дня, до суда. Если суд примет решение оставить вас под стражей, то вам можно будет передавать передачи, ну а там «родаки» – родители – принесут. Радио приемник оставляю вам, а когда будите уезжать на «централ», отдадите «менту» на сохранение. Скажите ему чтобы на мою фамилию записал. Сказал Андрюха!

«Коцнулась хата» (открылись замки в камере) и открылась «брама», «мент» скомандовал:

– Всех кого зачитывали с вещами на выход!

Мы провели их до порога, попрощались с ними, и «брама закоцалась». Тоскливое настроение угнетало меня, и я включил радио, чтобы музыка немного разрядила обстановку. Я лег на нару и пытался разобраться со всей полученной информации за этот день. Впереди ждала

неизвестность, и я понимал, что скоро с ней придётся неизбежно столкнуться. То что я знал, было не достаточно чтобы сложить окончательно представление о жизни в тюрьме. Размышляя над всем этим, я и уснул. Закончился мой первый арестантский день.

Проснулся я от клацанья замков, открылась «брама», и «мусор» скомандовал:

– На выход на проверку.

Мы вышли на «продол», взяв руки за спину стали лицом к стене. В «хату» зашли три «мента», у одного из них в руках был деревянный молот. Нам сказали стать на растяжку для обыска, и «менты» принялись нас «шмонать». Из камеры доносились стуки по металлу, это «менты» проверяли, целостность «решки», для этого им и нужна была киянка. В «хате» шел «шмон». Эта процедура проводится ежедневно, во время смены караула. «Менты» закончили «шмонать» и нас обратно завели в камеру. В «хате» весь день играла местная радио волна, и мы с надеждой мечтали что через трое суток, нас освободят под подписку он невыезде. Лязгнула «кормушка», и «продольный» («мент» который ответственный за «продол») спросил:

– «Баланду» (еду которую готовят в тюремной столовой) брать будите?

– Да.

Ответил я и подал «нифель» (тарелку) которые «тормознули» (оставили) нам пацаны. На первое давали борщ, а на второе сочную кашу, и пол «бубона» хлеба. Так как у нас было всего два «нифеля», мы взяли борща, и на сегодняшний день наша трапеза окончилась. В «КПЗ» кормили один раз в сутки. После обеда мы решил закурить, я заметил, что за все время, мы выкурили пол пачки сигарет. Было понятно, что с таким темпом мы до суда не дотянем, и я предложил «Зеле» экономить. Он сначала был не против, но как оказалось без курева он долго выдержать не мог. Он оторвал часть газеты для изготовления «самокрутки», засыпал щепотку чая, и с довольным лицом закурил свою скрутку.

– Ну как? Спросил я

– Класс! Воскликнул «Зеля», и предложил мне попробовать.

Я отказался, и вдруг почувал резкий дым от его «самокрутки», он очень напоминал запах конопли, когда ее курят. Постепенно приближался вечер, по радиоволне заиграла знакомая песня, и мне стало грустно. Я думал о своих друзьях, которые как раз в это время собирались вместе, чтобы выпить, и погулять с девчонками. В таком темпе прошло трое суток.

09.07.07. Рано утром открылась кормушка, и «продольный» зачитал фамилии:

– Гайдук и Зеленский, через тридцать минут с вещами на выход.

Тридцать минут мучительно томили мою душу ожиданием. В душе еще хранилась надежда оставить все позади. Мне казалось, что за эти трое суток я все переоценил, и теперь готов начать жить заново, ценя каждый миг. «Коцнулась брама», мы вышли на «продол» стали лицом к стене взяв руки за спину. «Мент» щелкнул «браслетами» наручниками на запястьях, и приказал становиться в шеренгу по двое. Мы спустились на первый этаж и нас завели в «воронок».

Воронок

Нас завели в одну из камер, и мы сидели, ожидая пока выведут всех кто едет в суд. С каждой минутой июльское солнце все больше раскаляло железный «воронок», и мы с нетерпением ждали момента, когда он тронется в путь!

– За последним закрыто.

Прокричал «мент», и через пять минут мы двинулись в путь. Через десять минут остановился «воронок», и где-то минут через тридцать, конвойный открыл нашу камеру, и по одному выводил на улицу. Внезапно яркий свет солнца ослепил меня, и я не сразу мог сориентироваться, где я и что вокруг меня. Нас с «Зелей» повели в здание суда, проходя по коридору, я увидел мать с адвокатом, ее глаза были наполнены любовью и страданием. Как только за нами закрылась камера, в зал суда начали заходить родные, и секретарь судьи. Я перешептывался о чем-то с матерью, просил, чтобы она передала первые необходимые вещи. Внезапно зашел судья. Он объявил принятое решение, меру пресечения оставить прежней, тюремное заключение сроком на два месяца, и сразу ушел. Конвоиры дали нам еще пять минут поговорить с родными, а после ответили нас обратно в «воронок». Около двух часов стекая потом, мы сидели в раскаленном от солнца «воронке», пока приведут остальных арестантов, у которых

шел суд. К обеду жара достигла своего пика, вокруг царила тишина, и только было слышно тяжелое дыхание арестантов. В «воронок» завели двоих арестантов, и нас повезли в «КПЗ». Нас с «Зелей» «прошмонали», и закрыли в туже «хату». По истечению часов двух, трех открылась «кормушка»:

– Гайдук, тебе передача от Матери.

Сказал «продольный», вручив мне список с перечнем передаваемых продуктов, и вещей. «Зеля» принимал передачу, а я сверял по списку. Я расписался за то, что принял передачу, претензий не имею. И сразу же после меня, и «Зеле» «загнали дачку». Сытно поужинав и перекурив сигарету, я принялся делать пепельницу из спичечных коробков, обклеенных фольгой. Таковую пепельницу я видел, когда только заехал в «хату». Над «брамой» горела лампочка, и только легонькие лучи света, вырывались сквозь «муравейник», местами освещая «хату». Я выключил радио и залез на «решку» (окно) чтобы послушать «Клетку». В нашем парке, который недалеко от «КПЗ», проводилась дискотека под открытым небом. Мои друзья часто передавали мне приветы, и я все время внимательно прислушивался. Прошло шесть суток в одном режиме. Утром «шмон», в обед горячий борщ, вечером по радио время шансона и постоянное ожидание встречи с тюрьмой.

15.07.2007. В «хате» играл шансон, было около полуночи, открылся глазок и продольный заглянул в камеру. Он подозвал нас, чтобы сообщить, что мы заказаны на этап, через полчаса с вещами на выход. Мы собирались, стараясь ничего не забыть, заварили «чиф» и присели на дорожку. Открылась «хата», и мы вышли на «продол». Нас начали загружать в «воронок», так как на этап заказали много людей, камеры заполняли до отказа. Я был прижат к решетке со всех сторон. Стекая потом, задыхался от жары, арестанты ругались с конвоем. Открылись ворота, и воронок повез арестантский люд на этап.

Как только «воронок» остановился, я услышал голос диктора, объявляющий прибытие поезда, наконец-то мы были на вокзале. Наша «хата» была забита плотнее всего, и поэтому нас стали выводить первыми. С воронка меня встречал «мент», который пристигнул меня наручниками к «Зеле». По бокам стоял конвой с псами, а за ними люди, которые пришли на этап. Среди них я увидел своих друзей «Прокопа» и «Топса», быстро и незаметно бросил им под ноги «маляву» (записку). Проходя мимо них, мы о чем-то переговорили и нас повели к «Столыпину» (вагону для перевозки заключенных), через подземный переход. Когда мы подошли к «Столыпину», нам сказали присесть и взять руки за голову.

Открылся «Столыпский» вагона, из него вышел конвой, нас подняли, и подвели к входу. Наши дела передали одному из конвоиров «Столыпина» и нас начали заводить в камеры вагона. Я спешно шел по коридору вагона, к конвойному который стоял около одной из камер, и все время подгонял арестантов. Дверь камеры откатилась в левую сторону, я зашел в купе Столыпина, и за мной закрылась решетчатая дверь.

– Первый.

Прокричал конвойный, который меня встречал.

Постепенно купе стало заполняться, я залез на вторую полку, и молча, внимательно наблюдал за всем происходящим вокруг. Наше купе набивалось плотнее, поэтому один из арестантов перекрыл специальной доской пространство между нарами второго яруса, кто-то растелил своё махровое покрывало. Большинство старших сидели в кругу, и общались на различные темы. Я старался быть ближе к своим землякам, по этому я подсел к нашим Конотопским пацанам. Время от времени я что-то уточнял у старших, стараясь собрать в своей голове картинку тюремной жизни. Но всё же трёх часов мне так и не хватило, а наш поезд уже подъезжал к Сумам. К нам подошел конвойный с нашими личными делами, и стал зачитывать фамилии, те, кого зачитывали, называли, имя, отчество, дата рождения, и номер статьи. В камере все

потихоньку засуетились собирать свои вещи. Снова в тоскливом ожидании, усталые мы все примолкли. По приезду в Сумы нас снова напихали полный воронок, и этапировали на тюрьму. Дорога первые десять минут была ровной, но после мы выехали на каменку, и тут нас затрудило, словно селёдку в консервной банке. Через минут тридцать, перед нашим «воронком» открылись тюремные ворота.

СИЗО №25

– Первый пошел.

Закричал конвой, и нас постепенно выводили из воронка. Мы оказались в большом гаражном боксе, я следовал в след остальным арестантам. Конвойный передал наши личные дела работникам СИЗО, и нас повели в боксы. Боксы, это камера временного содержания, в ней находиться до того времени пока администрация СИЗО решит, кого в какую камеру садить. Меня посадили в бокс площадью один квадратный метр, с небольшой лавочкой. Тусклый свет, мрачно освещал, местами серую шубу на стене камеры. Я присел на лавочку, и закурил сигарету. Вдруг из соседнего бокса, кто-то спросил:

– Опа-па, есть кто в соседней хате?

– Да. Ответил я.

– Ты откуда? Спросил он у меня.

– Я из Конотопа

Открылся мой бокс, и мент скомандовал:

– С вещами на выход.

Меня пересадили в другой бокс, чтобы мы не переговаривались между собой. Тех, кто заехал в первый раз, администрация старается, держать в изоляции, от опытных арестантов. Через какое-то время открылась дверь бокса, и меня забрали с вещами на шмон. Перед тем как попасть в камеру СИЗО, арестантов полностью обыскивают. Начало меня раздели, и тщательно обыскали вещи, в которых я был. После, мент внимательно «прошманал» содержимое сумки, и меня обратно отвели в бокс. Время тянулось мучительно долго, я уже устал сидеть в одном положении и поэтому лег на лавочку, а ноги вертикально опер об шершавую стену. Прошло около трёх часов, за дверью послышалось движение. Клацнул замок моей камеры, и я спешно встал с лавочки, ожидая пока откроется «бокс». Меня вывели к арестантам, и мы все вместе проследовали дальше. «Мент» за которым мы следовали, открыл дверь, и от туда хлынул тяжёлый запах сырой земли.

Мы спустились в подземные туннели и шли по подземному коридору, внимательно смотря под ноги. Местами с потолка просачивалась, вода, капая на землю, она образовала небольшую лужицу. Подземный лабиринт связывал «боксы» с тюремным корпусом. Мы поднялись по лестнице и оказались в тюремном коридоре. На «продоле» нас встретил дежурный, он назвал фамилии тех, кто остается с ним.

За нами спустился другой «мент и те, чьи фамилии небыли зачитаны, проследовали за ним. В том числе оказался и я. Мы поднялись на второй этаж, и нас начали разводить по «хатам». Я с огромным любопытством всматривался, в открывающиеся камеры, в которые заводили арестантов. Мне не удавалось толком что-то рассмотреть, так как нас разводили в спешном порядке. Открылась камера тридцать один, «продольный» зачитал мою фамилию, и я зашел в «хату». Следом за мной зашли, другие арестантов и среди них я заметил «Зелю». Камера была в три раза больше чем на «КПЗ». В «хате» нас встретили у порога и поинтересовались, у всех ли все в порядке с прошлым. Все зашедшие ответили положительно и нас пригласили к столу! Сквозь решетку пробивались слабые лучи восходящего солнца, рассвет. В хате было шумно, «пацаны» между собой знакомились, кто-то спрашивал своих земляков. Заварился «чифирь» и «смотрящий в хате» позвал всех к столу. Мы все присели вокруг стола и запустили «малышку» по кругу. В процессе чаепития мы знакомились, «пацан» который был в «ответе за хатой» представился Колей. Он принялся нам пояснять уклад тюремной жизни:

– «Хата» живет общим. Еда, чай и сигареты, которые лежат на столе общие. Все живут по-людски, помогая друг другу, и неся пользу «дому нашему общему».

«Дом наш общий» это тюрьма, в которой мы находимся. Здесь все находятся не по своей воле, ну уж если вы сюда попали, живите соответственно. Главное не несите вреда, и по возможности своей, делайте какую-то пользу. Оставайтесь теми людьми, которыми, вы есть, не надевайте на себя маску. У нас всех общая беда, и мы должны быть едины.

Мы внимательно прислушивались к пояснениям, отпивая по два глотка «чифиря» передавали его по кругу. В конце своего монолога он добавил:

– В тюрьме, интерес приветствуется! Если кому-то что-то неясно, переспросите. Ну а сейчас выбирайте свободную «нару» и ложитесь отдыхать после этапа.

«Пацаны» утомленные этапными пересылками, устремились к постели. Я взял со стола общие сигареты, закурил и я подошел к Коле. У меня была к нему масса интересов, и я вовсе не собирался спать. Мы долго сидели и общались об укладе «дома нашего». Просидев пару часов, я ощутил, что мой мозг не успевает разобраться со всем количеством получаемой информации. Я выбрал пустую «нару» и лёг отдыхать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.